

Хроники Ржавого Наплечника: Пустота

RemVoVo

RemVoVo

**Хроники Ржавого
Наплечника: Пустота**

«Автор»

2026

RemVoVo

Хроники Ржавого Наплечника: Пустота / RemVoVo — «Автор»,
2026

Вторая книга серии "Хроники Ржавого Наплечника". Гарт вошёл в Пустоту, чтобы найти Элирию. Но Врата закрылись. Теперь он — пленник серого мира, где магия мертва, а наплечник молчит. Три круга отделяют его от Сердца: Потеря, Правда, Отказ. Каждый заберёт у него что-то. Лиру. Брана. Себя. А в конце — она. Ключ. Дверь. Замок. И выбор, который решит судьбу мира. Продолжение великой саги о дураке, который спасёт всё, отказавшись от всего.

© RemVoVo, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Врата	5
Глава 2: Первое испытание	10
Глава 3: Хранитель	16
Глава 4: Круг Потери — Лира	20
Глава 5: Круг Потери — Бран	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

RemVoVo

Хроники Ржавого Наплечника: Пустота

Глава 1: Врата

Туман сомкнулся за ними, как вода.

Гарт не заметил момента, когда мир исчез. Он просто шёл. Как всегда. Вперёд. По камням. По ущелью. По дну. А потом — ничего. Не темнота. Не свет. Просто — ничего. Серое. Бесконечное. Как будто кто-то взял мир и вылил из него все краски. Оставил только пепел. Только пыль. Только сон.

Он остановился.

Лира остановилась рядом. Бран — позади. Они стояли. Молчали. Смотрели.

— Где мы? — спросил Бран. Голос был тихим. Как будто боялся, что его услышат. Кто-то. Что-то. Всё.

— Не знаю, — сказала Лира.

Гарт не ответил. Он смотрел вперёд. Там ничего не было. Поле. Серое. Бесконечное. Оно тянулось до горизонта. А горизонт — до неба. А небо — до ничего. Всё было одинаковым. Всё было серым. Как пепел. Как смерть. Как сон.

— Красиво, — сказал Гарт.

Лира посмотрела на него.

— Что?

— Красиво, — повторил Гарт. — Тихо. Спокойно. Как во сне.

— Это не сон, — сказала Лира. — Это... что-то другое. Что-то неправильное.

— Может, — сказал Гарт. — Но красиво.

Бран застонал. Он сел на землю. Прямо там. На серое. На пепел. На ничего. Головой в руки. Как всегда. Как мёртвый.

— Я не пойду, — сказал он. — Я не пойду дальше. Здесь ничего нет. Здесь никогда ничего не было. Здесь...

— Идём, — сказала Лира.

— Куда?! — Бран поднял голову. Глаза красные. Мокрые. Как всегда. — Куда идти?! Здесь нет дороги! Нет тропы! Нет ничего! Только серое! Везде! Всегда!

Лира посмотрела на него. Долго. Потом на Гарта. Потом на поле. На серое. На бесконечное. На всё.

— Туда, — сказала она. — Куда угодно. Главное — идти. Не стоять. Не сидеть. Не ждать. Идти.

Бран смотрел на неё. Долго. Потом встал. Медленно. Тяжело. Как старик. Как смерть. Как время. Он встал. И пошёл. Как всегда.

Они пошли.

Поле не кончалось.

Они шли час. Может, два. Может, вечность. Время здесь не шло. Оно стояло. Как вода в болоте. Как камень. Как смерть. Гарт не чувствовал усталости. Он никогда не чувствовал. Но что-то было не так. Что-то. Внутри. Что-то, чего он не мог назвать. Он шёл. Ровно. Спокойно. Как всегда. Но что-то тянуло. Что-то давило. Что-то было не так.

Он остановился.

Он посмотрел на плечо. На левое. Где был наплечник. Он всё ещё был там. Металл. Ржавый. Тёмный. Старый. Но что-то изменилось. Что-то. Внутри. В металле. В ржавчине. В глубине.

Гарт поднял руку. Коснулся наплечника. Пальцами. Осторожно.

Холодный.

Не просто холодный. Ледяной. Как будто его только что вытащили из зимы. Из реки. Из смерти. Гарт отдёрнул руку. Потом коснулся снова. Долго. Потом посмотрел на Лиру.

— Он холодный, — сказал Гарт.

Лира подошла. Посмотрела. Коснулась. Отдёрнула. Как будто обожглась.

— Ледяной, — сказала она. — Как... как мёртвый.

— Да, — сказал Гарт.

Он снял рубаху. Медленно. Осторожно. Он хотел посмотреть. На наплечник. На кожу. На всё. Он посмотрел. Наплечник был чёрным. Не ржавым. Чёрным. Как ночь. Как стекло. Как смерть. Ржавчина исчезла. Совсем. Как будто её никогда не было. Металл был гладким. Холодным. Мёртвым. Он не светился. Не грел. Не пил. Он просто был. Как камень. Как лёд. Как сон.

Гарт смотрел на него. Долго. Очень долго.

— Он умер, — сказал Гарт.

— Что? — Лира посмотрела на него.

— Наплечник, — сказал Гарт. — Он умер. Здесь. В Пустоте. Здесь магия не работает. Здесь ничего не работает. Здесь только... серое.

Лира смотрела на него. Долго. Потом на наплечник. Потом снова на него.

— Ты... — начала она. — Ты чувствуешь что-то?

Гарт задумался. Долго. Он прислушался. К себе. К телу. К сердцу. К душе. К чему-то. Что было внутри. Всегда. Что-то, что он не замечал. Пока наплечник был жив. Пока он пил. Пока он грел. Пока он защищал.

— Да, — сказал Гарт. — Чувствую.

— Что?

— Страх.

Лира замерла.

— Ты? — спросила она. — Ты боишься?

— Да, — сказал Гарт.

— Чего?

Гарт смотрел на неё. Долго. Потом на наплечник. На чёрный. На мёртвый. На всё. Потом снова на неё.

— Я боюсь, что я — никто, — сказал он. — Без него. Без наплечника. Без силы. Без защиты. Я — никто. Я — деревенщина. Я — дурак. Я — то, что ничего не умеет. Я не могу драться. Не могу колдовать. Не могу защитить. Я могу только идти. И ждать. И находить. Но если я не найду... если я не смогу... если я умру... кто я тогда? Что я тогда? Никто. Ничто. Пустота.

Лира смотрела на него. Долго. Очень долго. Потом подошла. Близко. Очень близко. Взяла его за руку. За живую. Не за ту, где наплечник. За живую.

— Ты — Гарт, — сказала она. — Сын кузнеца. Из Дубовой Лощины. Ты — тот, кто идёт. Всегда. Ты — тот, кто находит. Всегда. Ты — тот, кто спасает. Всегда. Наплечник — это не ты. Это то, что тебя использовало. Ты — без него — всё ещё ты. Всё ещё Гарт. Всё ещё тот, кто я... кто мы... кто все мы знаем.

Гарт смотрел на неё. Долго. Очень долго. Потом улыбнулся. Тихо. Как ребёнок.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари, — сказала Лира. — Просто иди. Всегда иди.

Они пошли.

Город появился внезапно.

Только что было поле. Серое. Бесконечное. А потом — стена. Высокая. Серая. Как пепел. Как смерть. Как сон. Она тянулась в стороны. Далеко. Очень далеко. Насколько хватало глаз. А за стеной — башни. Серые. Высокие. Как зубы. Как кости. Как смерть. Город. Мёртвый. Пустой. Серый.

Гарт остановился.

— Город, — сказал он.

— Да, — сказала Лира.

— Мёртвый.

— Да.

— Пустой.

— Да.

Гарт смотрел на него. Долго. Потом на друзей. На Лиру. На Брана. На всех. Потом снова на город. На серый. На мёртвый. На пустой. На всё.

— Идём, — сказал он.

— Куда? — спросил Бран.

— Туда, — сказал Гарт. — В город. Там что-то есть. Что-то ждёт. Что-то нужно.

— Откуда ты знаешь? — спросила Лира.

— Не знаю, — сказал Гарт. — Чувствую.

Они пошли.

Ворота были открыты.

Не сломаны. Не выбиты. Просто открыты. Как будто кто-то ждал. Как будто кто-то приглашал. Как будто кто-то знал. Гарт вошёл первым. Как всегда. Лира — за ним. Бран — за ней. Молча. Все. Молча.

Внутри было пусто.

Улицы. Дома. Площади. Всё было. Но ничего не было. Ни людей. Ни животных. Ни звуков. Ни запахов. Только серое. Только тишина. Только пустота. Как будто город вымер. Давно. Очень давно. Как будто здесь никогда ничего не было. Как будто это был сон. Который забыли. Который умер. Который стал ничем.

Гарт шёл по улицам. Он смотрел. На дома. На окна. На двери. На всё. Он не боялся. Он не умел бояться. Но что-то было. Что-то. Внутри. Что-то, что он не мог назвать. Что-то, что тянуло. Что-то, что давило. Что-то, что ждало.

— Гарт, — сказала Лира.

Он обернулся.

— Что?

— Смотри.

Она показала. На стену. На дом. На серое. На всё. Там была надпись. Древняя. Стёртая. Но видимая. Гарт не умел читать. Он никогда не умел. Он посмотрел на Лиру.

— Что там? — спросил он.

Лира прищурилась. Читала. Медленно. По слогам. Долго.

— «Здесь... нет... героев... — прочитала она. — Только... те... кто... ищет...»

Гарт смотрел на надпись. Долго. Потом на Лиру. Потом на Брана. Потом на город. На серый. На мёртвый. На пустой. На всё.

— Хорошо, — сказал он. — Я ищу. Всегда ищу.

Они пошли дальше.

Площадь была в центре города.

Большая. Круглая. Как арена. Как храм. Как смерть. В центре — фонтан. Сухой. Мёртвый. Как всё. Гарт подошёл. Посмотрел. На чашу. На камень. На пустоту. Потом на Лиру. На Брана. На всех.

— Здесь, — сказал он.

— Что здесь? — спросила Лира.

— Здесь что-то есть, — сказал Гарт. — Что-то ждёт.

Он посмотрел вокруг. На дома. На окна. На двери. На всё. Потом увидел. В тени. В углу. В темноте. Кто-то сидел. На камне. Сгорбленный. Старый. Очень старый. С длинной бородой. С глазами. Как угли. Красными. Тлеющими. Учитель.

— Ты, — сказал Гарт.

Старик поднял голову. Посмотрел на него. Долго. Потом улыбнулся. Тихо. Как ребёнок. Как смерть. Как сон.

— Я, — сказал он. — Я всегда здесь. Когда ты в темноте. Когда ты в пустоте. Когда ты один. Я здесь.

— Почему? — спросил Гарт.

— Потому что я — ты, — сказал старик. — Или ты — я. Или мы — одно. Или ничего. Неважно. Важно, что ты слушаешь. А я говорю.

Гарт смотрел на него. Долго. Потом кивнул.

— Говори, — сказал он.

— Ты вошёл в Пустоту, — сказал старик. — Врата закрылись за тобой. Назад — нет пути. Только вперёд. Всегда вперёд. Ты ищешь Элирию. Она в Сердце. Но чтобы дойти до неё — ты должен пройти три круга. Круг Потери. Круг Правды. Круг Отказа. Каждый круг заберёт у тебя что-то. Ты готов?

Гарт смотрел на него. Долго. Потом на Лиру. На Брана. На всех. Потом снова на старика.

— Да, — сказал он.

— Хорошо, — сказал старик. — Тогда — начинаем.

Он встал. Медленно. Тяжело. Как старик. Как смерть. Как время. Он подошёл. Близко. Очень близко. Посмотрел в глаза. Красные угли. В серую пустоту. Долго. Очень долго.

— Первый круг — Потеря, — сказал он. — Ты потеряешь то, что любишь. То, что ценишь. То, что держит тебя. Ты потеряешь. И ты должен будешь идти. Всё равно. Всегда.

Гарт кивнул.

— Я готов, — сказал он.

Старик улыбнулся. Тихо. Как ребёнок. Как смерть. Как сон.

— Тогда — иди, — сказал он. — И помни. Ты — не наплечник. Ты — не сила. Ты — не меч. Ты — Гарт. Сын кузнеца. Из Дубовой Лощины. Ты — тот, кто идёт. Всегда. И этого достаточно.

Он исчез.

Как будто его не было. Как будто никогда не было. Как будто сон.

Гарт стоял. Долго. Смотрел на место. Где был старик. Где была тень. Где было ничего. Потом повернулся. К Лире. К Брану. К жизни. К пути. К всему.

— Идём, — сказал он.

— Куда? — спросила Лира.

— Дальше, — сказал Гарт. — В первый круг. К Потере. К ней. К Элирии. К всему.

Они пошли.

Голос пришёл из темноты.
Тихий. Женский. Знакомый. Как сон. Как жизнь. Как смерть.
— Добро пожаловать в Пустоту, — сказал голос. — Здесь нет героев. Только те, кто ищет.
Гарт остановился. Он посмотрел вперёд. В серое. В пустое. В никуда. Там ничего не было.
Но что-то было. Кто-то был. Она.
— Элирия? — спросил Гарт.
Тишина.
Потом — снова.
— Ищи, — сказал голос. — Иди. Найди. Я жду. Всегда.
Тишина.
Гарт стоял. Долго. Очень долго. Потом улыбнулся. Тихо. Как ребёнок.
— Иду, — сказал он.
Он пошёл.
В серое. В пустое. В никуда. К ней. К Элирии. К Потере. К Правде. К Отказу. Ко всему.
А наплечник на его плече молчал. Чёрный. Мёртвый. Холодный. Он не светился. Не грел.
Не пил. Он просто был. Как камень. Как лёд. Как сон.
Но внутри. В черноте. В металле. В глубине. Что-то шевелилось. Что-то ждало. Что-то,
что не было мёртвым. Что-то, что спало. Что-то, что проснётся. Когда придёт время. Когда
будет нужно. Когда всё.
Гарт не чувствовал. Или чувствовал. Но не показывал. Как всегда.
Он просто шёл.
И ждал.

Глава 2: Первое испытание

Город не кончался.

Они шли по улицам. Серым. Мёртвым. Пустым. Дома стояли. Двери были открыты. Окна были пусты. Внутри — ничего. Ни мебели. Ни вещей. Ни жизни. Только серое. Только пыль. Только тишина. Как будто город выпили. Досуха. До дна. До смерти.

Бран шёл сзади. Он не ворчал. Впервые. Он просто шёл. Молча. Смотрел по сторонам. Глаза были широкими. Как у ребёнка. Как у зверя. Как у человека, который видит что-то. Что-то, чего не должно быть. Что-то, что было. Когда-то. Давно. Очень давно.

— Здесь жили люди, — сказал Бран. Тихо. Как будто боялся, что его услышат. Кто-то. Что-то. Всё.

— Да, — сказала Лира.

— Куда они ушли?

— Никуда, — сказала Лира. — Они здесь. Везде. В сером. В пыли. В тишине. Они стали этим. Городом. Пустотой. Ничем.

Бран задрожал. Он посмотрел на дом. На окно. На пустоту. Ему показалось. На секунду. Что кто-то смотрит. Из окна. Из темноты. Из ничего. Но там никого не было. Только серое. Только пыль. Только сон.

— Не смотри, — сказала Лира. — Не думай. Не чувствуй. Просто иди.

Бран кивнул. Он пошёл. Быстрее. Ближе к Гарту. Ближе к живому. Ближе к теплу.

Гарт шёл впереди. Он не оборачивался. Он смотрел вперёд. На улицу. На дома. На всё. Он не боялся. Он не умел бояться. Но что-то было. Что-то. Внутри. Что-то, что тянуло. Что-то, что давило. Что-то, что ждало.

Он остановился.

Улица кончилась. Впереди была площадь. Большая. Круглая. Как арена. Как храм. Как смерть. В центре — фонтан. Сухой. Мёртвый. Как всё. Но не это остановило Гарта. Не фонтан. Не площадь. Не город.

Это был он.

Он стоял у фонтана.

Гарт.

Точно такой же. Высокий. Широкий. Соломенные волосы. Серые глаза. Рваная рубаха. Тупой меч в руке. Ржавый наплечник на левом плече. Всё. Всё было таким же. Всё. До последней детали. До последнего шрама. До последнего взгляда.

Он стоял. Смотрел на Гарта. И улыбался. Тихо. Как ребёнок. Как всегда.

Гарт остановился.

Лира остановилась. Бран — позади. Они смотрели. На копию. На Гарта. На всё. Молча. Как всегда.

— Что это? — прошептал Бран.

— Не знаю, — сказала Лира.

Копия сделала шаг вперёд.

— Ты, — сказала она. Голос был таким же. Тихим. Спокойным. Как всегда. — Ты пришёл.

— Да, — сказал Гарт.

— Зачем?

— Ищу, — сказал Гарт.

— Кого?

— Элирию.

Копия засмеялась. Тихо. Как ребёнок. Как смерть. Как сон.

— Элирию, — повторила она. — Ты ищешь Элирию. Ты идёшь. Долго. Очень долго. Через лес. Через горы. Через смерть. Ты ищешь. Всегда ищешь. А знаешь, зачем?

Гарт молчал.

— Не знаешь, — сказала копия. — Ты никогда не знал. Ты просто шёл. Потому что не умел стоять. Потому что не умел думать. Потому что не умел жить. Ты — никто. Ты всегда был никем. Деревенщина. Дурак. Пустота.

Гарт смотрел на неё. Молча. Долго.

— Ты — наплечник, — сказала копия. — Не ты. Наплечник. Он вёл тебя. Он защищал. Он спасал. Он пил. Твою кровь. Твою боль. Твою жизнь. Ты думал, что ты идёшь. Но это он шёл. Через тебя. Как через дверь. Как через вещь. Как через ничто.

Копия шагнула ближе.

— А теперь, — сказала она. — Наплечник мёртв. Здесь. В Пустоте. Он не работает. Не защищает. Не спасает. Ты — один. Совсем один. Без силы. Без магии. Без всего. Ты — никто. Никто. Никто.

Гарт смотрел на неё. Долго. Очень долго. Потом посмотрел на наплечник. На чёрный. На мёртвый. На холодный. Потом на копию. Потом снова на наплечник. Потом снова на копию.

— Да, — сказал он. — Я — никто.

Копия замерла.

— Что? — спросила она.

— Я — никто, — повторил Гарт. — Я всегда был никем. Я не умею драться. Не умею колдовать. Не умею ничего. Я просто иду. И жду. И нахожу. Если найду — найду. Если нет — нет. Всё просто.

Копия смотрела на него. Долго. Очень долго. Потом засмеялась. Громче. Холоднее. Как лёд. Как стекло. Как смерть.

— Ты не понял, — сказала она. — Ты не понял. Ты — не просто никто. Ты — ничто. Ты — пустота. Ты — то, что не имеет значения. Ты — то, что можно стереть. Как пыль. Как грязь. Как сон. Ты — не нужен. Никому. Никогда.

Гарт смотрел на неё. Молча. Долго.

— Ты — не нужен Элирии, — сказала копия. — Она ждала не тебя. Она ждала того, кто сильный. Того, кто умный. Того, кто может. А ты — не можешь. Ты — ничего не можешь. Ты — никто.

Гарт молчал.

— Откажись, — сказала копия. — Откажись от всего. От наплечника. От меча. От пути. От неё. От себя. Стань свободным. Стань ничем. И тогда — ты будешь счастлив. Тогда — ты не будешь страдать. Тогда — ты не будешь никем. Потому что ты и так — никто. Просто признай это. И всё.

Гарт смотрел на неё. Долго. Очень долго. Потом посмотрел на Лиру. На Брана. На всех. Потом снова на копию. Потом на наплечник. На чёрный. На мёртвый. На всё.

— Нет, — сказал он.

Копия замерла.

— Что? — спросила она.

— Нет, — повторил Гарт. — Я не откажусь.

— Почему? — Копия шагнула к нему. Близко. Очень близко. — Почему? Ты — никто. Ты — ничто. Ты — пустота. Зачем тебе наплечник? Зачем тебе меч? Зачем тебе путь? Зачем тебе она? Зачем тебе всё?

Гарт смотрел на неё. Долго. Очень долго. Потом улыбнулся. Тихо. Как ребёнок. Как всегда.

— Потому что я иду, — сказал он. — Всегда иду. И жду. И нахожу. Если найду — найду. Если нет — нет. Но я иду. Всегда. И этого достаточно.

Копия смотрела на него. Долго. Очень долго. Потом что-то в её глазах дрогнуло. Что-то. На секунду. На мгновение. Как свеча. Как жизнь. Как сон. Потом исчезло. Спряталось. Умерло.

— Ты — глупец, — сказала она.

— Да, — сказал Гарт.

— Полный глупец.

— Да.

— Ты умрёшь.

— Может.

— Ты умрёшь. Один. В Пустоте. Никто не найдёт тебя. Никто не вспомнит. Никто не заплачет.

— Может, — сказал Гарт. — Но я иду. Всегда.

Копия засмеялась. Громко. Холодно. Как лёд. Как стекло. Как смерть. Она смеялась. Долго. Очень долго. Потом перестала. Посмотрела на Гарта. Долго. Очень долго. Потом отвернулась. Пошла. В серое. В пустое. В никуда. Она шла. Медленно. Легко. Как будто плыла. Как будто летела. Как будто смерть. Она не обернулась. Не могла. Не хотела. Она просто шла. И исчезла.

Гарт стоял.

Он смотрел ей вслед. Долго. Очень долго. Потом посмотрел на Лиру. На Брана. На всех. Потом на наплечник. На чёрный. На мёртвый. На всё. Потом на площадь. На фонтан. На город. На серое. На пустое. На никуда.

— Идём, — сказал он.

— Куда? — спросила Лира.

— Дальше, — сказал Гарт. — В первый круг. К Потере. К ней. К Элирии. К всему. Лира смотрела на него. Долго. Очень долго. Потом кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Идём.

Они пошли.

Бран догнал его через минуту.

Он шёл рядом. Близко. Очень близко. Смотрел на Гарта. Долго. Потом заговорил.

— Гарт, — сказал он.

— Да?

— Это... — Бран сглотнул. — Это был ты? Там. У фонтана. Это был ты?

— Да, — сказал Гарт.

— Но... но он говорил... он говорил, что ты — никто. Что ты — ничто. Что ты — пустота. Он...

— Он говорил правду, — сказал Гарт.

Бран замер.

— Что?

— Он говорил правду, — повторил Гарт. — Я — никто. Я всегда был никем. Я не умею драться. Не умею колдовать. Не умею ничего. Я просто иду. И жду. И нахожу. Это всё. Это всё, что я умею.

— Но... — Бран смотрел на него. Глаза расширились. Как у ребёнка. Как у зверя. Как у человека, который не понимает. — Но ты же... ты же спас нас. В Ксантии. В деревне кукол. В башне. Ты спас. Ты...

— Нет, — сказал Гарт.

— Что?

— Не я, — сказал Гарт. — Наплечник. Он спасал. Он защищал. Он пил. Мою кровь. Мою боль. Мою жизнь. Я был просто... дверью. Как он сказал. Я был вещью. Которую он использовал.

Бран смотрел на него. Долго. Очень долго. Потом заплакал. Тихо. Без звука. Как всегда. Он не вытирал. Он просто шёл. И плакал. И смотрел. На Гарта. На всё.

— Но ты же... — прошептал он. — Ты же всё равно шёл. Ты же всё равно спасал. Ты же всё равно...

— Да, — сказал Гарт. — Я шёл. Всегда. Но не потому что я — кто-то. А потому что я — никто. Потому что я не умею стоять. Не умею ждать. Не умею быть. Я умею только идти. И этого достаточно.

Бран смотрел на него. Долго. Потом отвернулся. Быстро. Резко. Чтобы он не видел. Чтобы никто не видел. Слёзы. Которые текли. Сами. Без звука. Как всегда.

— Ты идиот, — сказал Бран.

— Да, — сказал Гарт.

— Полный идиот.

— Да.

— Я ненавижу тебя.

— Нет, — сказал Гарт. — Не ненавидишь.

Бран засмеялся. Слабо. Сквозь слёзы. Как всегда. Он не обернулся. Он просто шёл. Рядом. Близко. Как всегда.

Лира смотрела на них. Долго. Потом улыбнулась. Тихо. Грустно. Как улыбаются, когда прощаются. Как улыбаются, когда знают, что будет больно. Но всё равно улыбаются.

— Это только начало, — прошептала она.

Гарт услышал. Он всегда слышал.

— Да, — сказал он. — Начало. Всегда начало.

Они пошли.

Улица вывела их к воротам.

Не тем, через которые они вошли. Другим. В другой стене. В другом городе. В другом конце. Ворота были открыты. Как всегда. Как везде. Как всё. За ними — поле. Серое. Бесконечное. Как раньше. Как всегда. Как смерть.

Гарт остановился.

— Здесь, — сказал он.

— Что здесь? — спросила Лира.

— Первый круг, — сказал Гарт. — Круг Потери. За воротами. Там. Дальше.

Лира посмотрела. На поле. На серое. На бесконечное. На всё. Потом на Гарта. На его лицо. На его глаза. На его улыбку. Всё.

— Ты знаешь, что будет? — спросила она.

— Нет, — сказал Гарт.

— Ты боишься?

— Да.

Лира смотрела на него. Долго. Потом взяла его за руку. За живую. Не за ту, где наплечник. За живую.

— Мы идём с тобой, — сказала она. — Всегда.

Гарт посмотрел на неё. Потом на Брана. Потом на всех. Долго. Очень долго. Потом улыбнулся. Тихо. Как ребёнок.

— Спасибо, — сказал он.

Они вошли в ворота.

За воротами ничего не изменилось.

То же поле. Серое. Бесконечное. Как раньше. Как всегда. Как смерть. Гарт шёл. Лира — рядом. Бран — сзади. Молча. Все. Молча.

Потом Лира исчезла.

Просто. Без звука. Без крика. Без ничего. Гарт обернулся. Её не было. Только серое. Только пустое. Только никуда. Он остановился. Посмотрел. Долго. Очень долго. Потом на Брана. На его лицо. На его глаза. На его страх.

— Где она? — спросил Гарт.

— Я... — Бран смотрел. На место. Где была Лира. Где был друг. Где была жизнь. — Я не знаю. Она была здесь. Только что. Она шла. Она... она...

Гарт смотрел на него. Долго. Потом на место. На пустое. На серое. На всё. Потом на наплечник. На чёрный. На мёртвый. На холодный. Потом на небо. На серое. На бесконечное. На всё.

— Потеря, — сказал он. — Первый круг. Потеря.

Бран смотрел на него. Долго. Потом заплакал. Громко. Как ребёнок. Как зверь. Как всегда.

— Мы должны найти её! — крикнул он. — Мы должны! Она...

— Нет, — сказал Гарт.

— Что?!

— Нет, — повторил Гарт. — Мы не должны. Мы должны идти. Дальше. Без неё. Потому что круг — это потеря. Мы потеряли. Теперь — идём.

Бран смотрел на него. Долго. Очень долго. Потом упал. На колени. На серое. На пустое. На всё.

— Я не могу, — прошептал он. — Я не могу без неё. Я не могу один. Я не могу...

Гарт подошёл. Близко. Очень близко. Он наклонился. Поднял его. За плечи. Как поднимают мешок. Как поднимают друга. Поставил на ноги. Посмотрел в глаза. Красные. Мокрые. Как всегда.

— Ты не один, — сказал Гарт. — Я здесь. Я всегда здесь. Пока иду. Пока жду. Пока нахожусь. Я здесь.

Бран смотрел на него. Долго. Очень долго. Потом кивнул. Он не мог говорить. Он просто кивнул.

Они пошли.

Они шли долго.

Поле не кончалось. Оно тянулось. И тянулось. И тянулось. Серое. Бесконечное. Как смерть. Как сон. Как всё. Гарт шёл. Ровно. Спокойно. Как всегда. Бран — за ним. Спотыкался. Каждые десять шагов. Ворчал. Тихо. Но ворчал. Как всегда.

— Она вернётся? — спросил Бран.

— Не знаю, — сказал Гарт.

— Мы найдём её?

— Может.

— Мы...

— Бран, — сказал Гарт.

Бран замолчал.

— Идём, — сказал Гарт. — Просто идём. Всегда.

Бран кивнул. Он пошёл. Молча. Как всегда.

А поле тянулось. И тянулось. И тянулось. Серое. Бесконечное. Как смерть. Как сон. Как всё.

И где-то вдалеке. Очень далеко. За полем. За серым. За пустым. Что-то было. Что-то ждало. Что-то, что не имело названия. Ни на одном языке. Ни в одном мире. Что-то, что должно было случиться. Что-то, что начнётся. Что-то, что будет.

Глава 3: Хранитель

Поле кончилось внезапно.

Они шли. Час. Два. Вечность. Серое. Бесконечное. Как смерть. Как сон. Как всё. А потом — камень. Один. Большой. Серый. Он стоял в центре поля. Как будто кто-то поставил его. Давно. Очень давно. Как будто кто-то ждал. Всегда.

На камне сидел человек.

Гарт остановился.

Человек был лысым. Совершенно. Голова — гладкая. Как камень. Как яйцо. Как смерть. Он был одет в чёрную рясу. Длинную. До земли. Ряса была старой. Выцветшей. Но чистой. Как будто её стирали. Каждый день. Тысячу лет. Он сидел. Сгорбившись. На камне. Перед ним — книга. Большая. Толстая. В кожаном переплёте. Он писал. Медленно. Пером. Которое было длинным. Как клюв. Как нож. Как жизнь.

Он не поднял головы.

Гарт смотрел на него. Долго. Очень долго. Потом на Брана. На его лицо. На его глаза. На его страх. Потом снова на человека. На лысого. На рясу. На книгу. На всё.

— Кто это? — прошептал Бран.

— Не знаю, — сказал Гарт.

Человек засмеялся. Тихо. Не поднимая головы. Смех был скрипучим. Как дверь. Как дерево. Как время.

— Знаешь, — сказал он. — Ты всегда знал. Просто забыл. Как все. Как всегда.

Он поднял голову.

Лицо было старым. Очень старым. Морщины. Глубокие. Как трещины. Как реки. Как смерть. Глаза — серые. Как поле. Как небо. Как всё. Они смотрели. Долго. Очень долго. Потом он улыбнулся. Криво. Как крыса. Как Бран. Как Лира. Как все.

— Меня зовут Морн, — сказал он. — Я — Хранитель. Я записываю. Всё. Всегда. Ваши жизни. Ваши смерти. Ваши пути. Я не враг. Я не друг. Я — тот, кто помнит.

Гарт смотрел на него. Молча. Долго.

— Ты знаешь меня? — спросил Гарт.

— Да, — сказал Морн. — Я знаю всех. Всегда. Я записываю. Каждого. Кто входит. Кто выходит. Кто остаётся. Кто уходит. Всё. Всегда.

— Ты знаешь Элирию?

Морн замер. Перо остановилось. На секунду. На мгновение. Как свеча. Как жизнь. Как сон. Потом он продолжил. Писать. Медленно. Как всегда.

— Да, — сказал он. — Я знаю Элирию.

— Где она? — спросил Гарт.

— В Сердце, — сказал Морн. — В Сердце Пустоты. Там, где всё началось. Там, где всё кончится. Там, где она. Ждёт.

— Как дойти?

Морн перестал писать. Он посмотрел на Гарта. Долго. Очень долго. Потом закрыл книгу. Медленно. Тяжело. Как будто она была живой. Как будто она была мёртвой. Как будто она была всем.

— Ты уже идёшь, — сказал он. — Ты вошёл в Пустоту. Врата закрылись. Назад — нет пути. Только вперёд. Всегда вперёд. Ты уже в первом круге. Круг Потери. Ты уже потерял. Одного. Может, двух. Может, всех. Ты ещё не знаешь. Но ты потеряешь. Всё. Всегда.

Гарт смотрел на него. Долго. Потом на Брана. На его лицо. На его глаза. На его страх. Потом снова на Морна.

— Лира, — сказал Гарт. — Она вернётся?

Морн молчал. Долго. Очень долго. Потом заговорил.

— Потеря — это не конец, — сказал он. — Потеря — это начало. Ты потерял. Ты страдаешь. Ты идёшь. Всё равно. Всегда. И если ты дойдёшь — ты найдёшь. Если найдёшь — ты вернёшь. Если вернёшь — ты поймёшь. Всё просто.

— Что я пойму? — спросил Гарт.

— Что потеря — это не смерть, — сказал Морн. — Потеря — это жизнь. Ты теряешь. Каждый день. Каждую минуту. Всё. Что имеешь. Всё. Что любишь. Всё. Что помнишь. Но ты идёшь. Всегда. И находишь. Новое. Другое. Своё. И теряешь снова. И находишь снова. И теряешь. И находишь. Всё. Всегда. Это — жизнь.

Гарт смотрел на него. Долго. Очень долго. Потом посмотрел на книгу. На толстую. На кожаную. На старую. На всё.

— Что там? — спросил Гарт.

— Всё, — сказал Морн. — Всё, что было. Всё, что есть. Всё, что будет. Все жизни. Все смерти. Все пути. Всё.

— Моя жизнь?

— Да.

— Покажи.

Морн смотрел на него. Долго. Потом открыл книгу. Нашёл страницу. Долго. Медленно. Потом показал. Гарт посмотрел. На страницу. На буквы. На слова. Он не умел читать. Он никогда не умел. Но он видел. Своё имя. Гарт. И ещё. Много. Слов. Которые он не понимал. Которые были о нём. О его жизни. О его пути. О всём.

— Что там? — спросил Гарт.

Морн посмотрел на страницу. Потом на Гарта. Потом снова на страницу. Потом прочитал.

— «Гарт из Дубовой Лощины, — прочитал он. — Сын кузнеца. Родился в год чёрной луны. В день, когда дверь задрожала. Он — никто. Он — всё. Он — тот, кто идёт. Всегда. Он найдёт. Он потеряет. Он найдёт снова. Он откажется. Он спасёт. Он умрёт. Он воскреснет. Он будет. Всегда».

Гарт смотрел на него. Долго. Очень долго. Потом на Брана. На его лицо. На его глаза. На его страх. Потом снова на Морна.

— Я умру? — спросил Гарт.

— Все умирают, — сказал Морн. — Но не все живут. Ты — живёшь. Пока идёшь. Пока ждёшь. Пока находишь. Ты — живёшь. Всегда.

Гарт молчал.

— Ты боишься? — спросил Морн.

— Да, — сказал Гарт.

— Чего?

— Потерять. Ещё. Больше. Всё.

Морн смотрел на него. Долго. Потом улыбнулся. Тихо. Грустно. Как улыбаются, когда прощаются. Как улыбаются, когда знают, что будет больно. Но всё равно улыбаются.

— Ты уже потерял, — сказал он. — Лиру. Ты потерял. И ты боишься. Но ты идёшь. Всё равно. Всегда. Это — сила. Не наплечник. Не меч. Не магия. Это — ты. Ты — сила. Ты — всё. Ты — Гарт.

Он закрыл книгу. Медленно. Тяжело. Как будто она была живой. Как будто она была мёртвой. Как будто она была всем.

— Первый круг — Потеря, — сказал Морн. — Ты уже в нём. Ты уже потерял. Лиру. Ты потеряешь ещё. Брана. Может, себя. Может, всё. Ты должен идти. Всё равно. Всегда. И когда ты дойдёшь до конца круга — ты найдёшь. Её. Лиру. Или то, что от неё осталось. И ты поймёшь. Что потеря — это не конец. Потеря — это начало.

Гарт смотрел на него. Молча. Долго.

— А потом? — спросил он.

— Потом — второй круг, — сказал Морн. — Круг Правды. Ты узнаешь. Всё. О себе. О ней. О мире. О всём. Правду. Всю. До дна. До смерти. До жизни. И это будет больно. Больнее. Чем потеря.

— А потом?

— Потом — третий круг, — сказал Морн. — Круг Отказа. Ты откажешься. От всего. От наплечника. От меча. От пути. От неё. От себя. Всё. Всегда. И это будет больно. Больнее. Чем правда. Больнее. Чем всё.

— А потом?

Морн смотрел на него. Долго. Очень долго. Потом улыбнулся. Тихо. Как ребёнок. Как смерть. Как сон.

— А потом — Сердце, — сказал он. — Там она. Элирия. Ключ. Дверь. Замок. Всё. Ты дойдёшь. Ты найдёшь. Ты спасёшь. Или умрёшь. Попробовав. Всё просто.

Гарт смотрел на него. Долго. Очень долго. Потом посмотрел на Брана. На его лицо. На его глаза. На его страх. Потом снова на Морна. Потом на книгу. На толстую. На кожаную. На всё.

— Ты записываешь? — спросил Гарт.

— Да, — сказал Морн.

— Всё?

— Всё. Всегда.

— И это? — Гарт обвёл рукой. Поле. Серое. Пустое. Всё. — Это тоже?

— Да, — сказал Морн. — Это — тоже. Твоя жизнь. Твой путь. Твоя смерть. Всё. Я записываю. Всегда.

Гарт кивнул. Он не понимал. Он не знал. Но он кивнул. Как всегда.

— Хорошо, — сказал он. — Записывай. Я иду. Всегда.

Морн улыбнулся. Тихо. Как ребёнок. Как смерть. Как сон. Он открыл книгу. Нашёл страницу. Новую. Чистую. И начал писать. Медленно. Пером. Которое было длинным. Как клюв. Как нож. Как жизнь.

— Начинаем, — сказал он.

Гарт отвернулся. Он посмотрел на Брана. На его лицо. На его глаза. На его страх. Потом на поле. На серое. На бесконечное. На всё. Потом на небо. На серое. На пустое. На никуда. Потом на наплечник. На чёрный. На мёртвый. На холодный. На всё.

— Идём, — сказал он.

— Куда? — спросил Бран.

— Дальше, — сказал Гарт. — В первый круг. К Потере. К ней. К Лире. К всему.

Бран смотрел на него. Долго. Потом кивнул. Он не мог говорить. Он просто кивнул.

Они пошли.

Морн смотрел им вслед.

Он сидел на камне. Писал. Медленно. Пером. Которое было длинным. Как клюв. Как нож. Как жизнь. Он писал. Долго. Очень долго. Потом остановился. Посмотрел. На них. На Гарта. На Брана. На всё. Потом улыбнулся. Криво. Как крыса. Как всегда.

— Он идёт, — сказал Морн. — Он всегда идёт. Как и все. Как всегда. Но он — другой. Он — тот, кто откажется. Тот, кто спасёт. Тот, кто будет. Всегда.

Он закрыл книгу. Медленно. Тяжело. Как будто она была живой. Как будто она была мёртвой. Как будто она была всем.

— Я ждал, — сказал он. — Тысячу лет. Я записывал. Всё. Всегда. Всех. Кто приходил. Кто уходил. Кто оставался. Кто умирал. Всё. Всегда. И теперь — он. Гарт. Тот, кто откажется. Тот, кто спасёт. Тот, кто будет.

Он встал. Медленно. Тяжело. Как старик. Как смерть. Как время. Он посмотрел на поле. На серое. На бесконечное. На всё. Потом на небо. На серое. На пустое. На никуда. Потом на камень. На свой. На старый. На всё.

— Первый круг, — сказал он. — Потеря. Он уже потерял. Лиру. Он потеряет ещё. Брана. Может, себя. Может, всё. Но он дойдёт. Он всегда доходит. Потому что он — тот, кто идёт. Всегда.

Он ушёл.

Как будто его не было. Как будто никогда не было. Как будто сон.

Камень остался. Один. Серый. В центре поля. Как будто кто-то поставил его. Давно. Очень давно. Как будто кто-то ждал. Всегда.

Гарт и Бран шли.

Поле тянулось. И тянулось. И тянулось. Серое. Бесконечное. Как смерть. Как сон. Как всё. Гарт шёл. Ровно. Спокойно. Как всегда. Бран — за ним. Спотыкался. Каждые десять шагов. Ворчал. Тихо. Но ворчал. Как всегда.

— Кто это был? — спросил Бран.

— Хранитель, — сказал Гарт.

— Что он хранит?

— Всё, — сказал Гарт. — Жизни. Смерти. Пути. Всё.

— И мою?

— Да.

Бран замолчал. Он думал. Долго. Очень долго. Потом заговорил снова.

— Гарт, — сказал он.

— Да?

— Ты веришь ему?

Гарт задумался. Долго. Он смотрел на поле. На серое. На бесконечное. На всё. Потом на небо. На серое. На пустое. На никуда. Потом на наплечник. На чёрный. На мёртвый. На всё.

— Не знаю, — сказал он. — Может, да. Может, нет. Может, всё. Может, ничего. Но он записывает. Всё. Всегда. Значит, он — помнит. А помнить — это важно. Это всё, что у нас есть. Память. Всё остальное — проходит. Как вода. Как время. Как жизнь. А память — остаётся. Всегда.

Бран смотрел на него. Долго. Потом кивнул. Он не понимал. Он не знал. Но он кивнул. Как всегда.

Они шли.

А поле тянулось. И тянулось. И тянулось. Серое. Бесконечное. Как смерть. Как сон. Как всё.

И где-то вдалеке. Очень далеко. За полем. За серым. За пустым. Что-то было. Что-то ждало. Что-то, что не имело названия. Ни на одном языке. Ни в одном мире. Что-то, что должно было случиться. Что-то, что начнётся. Что-то, что будет.

Глава 4: Круг Потери — Лира

Лес появился из ниоткуда.

Только что было поле. Серое. Бесконечное. Как смерть. Как сон. Как всё. А потом — деревья. Мёртвые. Чёрные. Сухие. Они стояли стеной. Как будто ждали. Всегда. Как будто знали. Всё. Они не двигались. Не шептали. Не говорили. Они просто стояли. Молча. Как смерть. Как время. Как всё.

Гарт остановился.

— Здесь, — сказал он.

— Что здесь? — спросил Бран.

— Она, — сказал Гарт. — Лира. Здесь.

Он вошёл в лес.

Деревья не двигались. Ветви не качались. Листья не шелестели. Всё было застывшим. Как будто время остановилось. Давно. Очень давно. Как будто лес умер. И не знал об этом. Как будто он ждал. Кого-то. Что-то. Всё.

Гарт шёл. Медленно. Осторожно. Он смотрел. По сторонам. Вверх. Вниз. Везде. Он искал. Он всегда искал. Но сейчас — по-другому. Сейчас — отчаянно. Сейчас — как никогда.

— Лира! — крикнул он.

Тишина.

Только эхо. Его собственный голос. Который вернулся. Пустым. Мёртвым. Как лес. Как всё.

— Лира! — крикнул он снова.

Тишина.

Бран шёл сзади. Он не кричал. Он просто шёл. Смотрел. Дрожал. Плакал. Тихо. Без звука. Как всегда.

— Гарт, — сказал он. — Может... может, её здесь нет. Может, мы...

— Она здесь, — сказал Гарт.

— Откуда ты знаешь?

— Чувствую.

Он шёл дальше. Глубже. В лес. В темноту. В никуда. Он не уставал. Он никогда не уставал. Но что-то было. Что-то. Внутри. Что-то, что тянуло. Что-то, что рвало. Что-то, что жгло. Боль. Не в теле. В душе. В чём-то. Что было глубже. Что было важнее. Что было всем.

Он остановился.

Перед ним была поляна. Круглая. Как арена. Как храм. Как смерть. В центре — ничего. Только серое. Только пустое. Только никуда. Гарт смотрел. Долго. Очень долго. Потом на Брана. На его лицо. На его глаза. На его страх. Потом снова на поляну. На пустую. На серую. На всё.

— Её здесь нет, — сказал Бран.

— Знаю, — сказал Гарт.

— Тогда...

— Она была здесь, — сказал Гарт. — Она стояла. Здесь. На этом месте. Она смотрела. На меня. Она хотела сказать. Что-то. Но не сказала. Она исчезла. До того. Как сказать.

Бран смотрел на него. Долго. Потом на поляну. На пустую. На серую. На всё.

— Откуда ты знаешь? — прошептал он.

— Чувствую, — сказал Гарт.

Он сел.

Просто. На землю. На серое. На пустое. На всё. Он сел. Впервые. За всю жизнь. Он никогда не садился. Он всегда шёл. Всегда. Но сейчас — сел. Потому что не мог. Потому что ноги

не держали. Потому что что-то сломалось. Внутри. Тихо. Без звука. Как ветка. Как кость. Как сердце.

Бран смотрел на него. Долго. Очень долго. Он никогда не видел. Гарта. Таким. Никогда. За всё время. За все дни. За всё. Гарт всегда шёл. Всегда стоял. Всегда был. А теперь — сидел. На земле. Смотрел в никуда. И молчал.

— Гарт, — сказал Бран.

Гарт не ответил.

— Гарт, — повторил Бран. — Ты... ты в порядке?

Гарт молчал. Долго. Очень долго. Потом заговорил. Тихо. Как никогда.

— Нет, — сказал он. — Я не в порядке.

Бран замер.

— Я потерял её, — сказал Гарт. — Я потерял Лиру. Она была. Рядом. Всегда. С Вердона. С фонтана. С темницы. С леса. С моря. С башни. Она была. Всегда. Она шла. Рядом. Она говорила. Она смеялась. Она злилась. Она была. А теперь — нет. Её нет. Я потерял. И я не знаю. Что делать. Я никогда не терял. Я всегда находил. Всегда. Но сейчас — потерял. И не знаю. Как найти.

Бран смотрел на него. Долго. Очень долго. Потом подошёл. Сел рядом. На землю. На серое. На пустое. На всё. Он сел. Рядом. Близко. Как всегда.

— Я тоже, — сказал Бран.

Гарт обернулся.

— Что?

— Я тоже потерял, — сказал Бран. — Я потерял её. Лиру. Она была. Рядом. Всегда. Она злилась. На меня. Она обзывала. Меня. Крысой. Она смеялась. Надо мной. Она была. А теперь — нет. Её нет. И я... я тоже не знаю. Что делать.

Гарт смотрел на него. Долго. Очень долго.

— Ты тоже её любишь, — сказал Гарт.

Бран замер.

— Что?

— Ты любишь её, — сказал Гарт. — Как я. Как все. Как всё. Ты любишь.

Бран смотрел на него. Долго. Потом заплакал. Громко. Как ребёнок. Как зверь. Как всегда. Он не вытирал. Он просто сидел. И плакал. И смотрел. На Гарта. На всё.

— Да, — сказал он. — Люблю. Я всегда любил. С первого дня. В таверне. Когда она назвала меня крысой. Я любил. Но я не говорил. Потому что я — никто. Потому что я — крыса. Потому что я — грязь. Я не говорил. Никогда. А теперь — поздно. Она ушла. И я не сказал. Ничего. Никогда.

Гарт смотрел на него. Долго. Потом положил руку. На его плечо. Тяжело. Тепло. Как всегда.

— Не поздно, — сказал Гарт.

— Что?

— Не поздно, — повторил Гарт. — Мы найдём её. Я найду. Всегда. И ты скажешь. Ей. Всё. Что чувствуешь. Что думаешь. Что любишь. Ты скажешь. И она услышит. И она ответит. И всё будет. Хорошо. Всегда.

Бран смотрел на него. Долго. Очень долго. Потом кивнул. Он не мог говорить. Он просто кивнул.

Они сидели. Вдвоём. На земле. На серое. На пустое. На всё. Молчали. Как всегда. Но молчание было другим. Тяжёлым. Как камень. Как смерть. Как всё.

Потом Гарт встал.

Медленно. Тяжело. Как старик. Как смерть. Как время. Он встал. На ноги. На серое. На пустое. На всё. Он посмотрел на Брана. На его лицо. На его глаза. На его слёзы. Потом на лес.

На мёртвый. На чёрный. На всё. Потом на небо. На серое. На пустое. На никуда. Потом на наплечник. На чёрный. На мёртвый. На холодный. На всё.

— Идём, — сказал он.

— Куда? — спросил Бран.

— Дальше, — сказал Гарт. — Из леса. К концу круга. К ней. К Лире. К всему.

Бран смотрел на него. Долго. Потом встал. Медленно. Тяжело. Как старик. Как смерть. Как время. Он встал. На ноги. На серое. На пустое. На всё. Он посмотрел на Гарта. На его лицо. На его глаза. На его пустоту. Потом на лес. На мёртвый. На чёрный. На всё. Потом на небо. На серое. На пустое. На никуда. Потом на всё.

— Хорошо, — сказал он. — Идём.

Они пошли.

Лес не кончался.

Они шли. Час. Два. Вечность. Деревья стояли. Мёртвые. Чёрные. Сухие. Они не двигались. Не шептали. Не говорили. Они просто стояли. Молча. Как смерть. Как время. Как всё. Гарт шёл. Ровно. Спокойно. Как всегда. Бран — за ним. Спотыкался. Каждые десять шагов. Ворчал. Тихо. Но ворчал. Как всегда.

— Гарт, — сказал Бран.

— Да?

— Ты сказал. Там. На поляне. Что чувствуешь. Её. Откуда? Как? Как ты чувствуешь? Её? Когда её нет?

Гарт задумался. Долго. Он смотрел на лес. На мёртвый. На чёрный. На всё. Потом на небо. На серое. На пустое. На никуда. Потом на наплечник. На чёрный. На мёртвый. На всё.

— Не знаю, — сказал он. — Просто чувствую. Как будто она рядом. Как будто она идёт. Как будто она смотрит. Как будто она ждёт. Я не вижу. Не слышу. Но чувствую. Всегда. Как будто она — часть. Меня. Как будто она — внутри. Как будто она — я.

Бран смотрел на него. Долго. Очень долго. Потом кивнул. Он не понимал. Он не знал. Но он кивнул. Как всегда.

Они шли.

А лес тянулся. И тянулся. И тянулся. Мёртвый. Чёрный. Сухой. Как смерть. Как сон. Как всё.

И где-то вдалеке. Очень далеко. За лесом. За мёртвым. За чёрным. Что-то было. Что-то ждало. Что-то, что не имело названия. Ни на одном языке. Ни в одном мире. Что-то, что должно было случиться. Что-то, что начнётся. Что-то, что будет.

Оно ждало.

Оно всегда ждало.

И теперь — дождалось.

Лес кончился внезапно.

Они вышли на поле. Серое. Бесконечное. Как раньше. Как всегда. Как смерть. Гарт остановился. Он посмотрел назад. На лес. На мёртвый. На чёрный. На всё. Потом вперёд. На поле. На серое. На бесконечное. На всё. Потом на Брана. На его лицо. На его глаза. На его страх. Потом на наплечник. На чёрный. На мёртвый. На холодный. На всё.

— Круг Потери, — сказал Гарт. — Мы прошли.

— Прошли? — Бран посмотрел на него. — Но мы не нашли. Лиру. Мы не нашли.

— Нет, — сказал Гарт. — Не нашли.

— Тогда...

— Потеря — это не найти, — сказал Гарт. — Потеря — это потерять. Мы потеряли. Мы страдали. Мы шли. Всё равно. Всегда. Это — круг. Мы прошли. Теперь — второй. Круг Правды.

Бран смотрел на него. Долго. Очень долго. Потом кивнул. Он не понимал. Он не знал. Но он кивнул. Как всегда.

Они пошли.

А за ними. В лесу. В мёртвом. В чёрном. В темноте. Что-то шевельнулось. Что-то. Тень. Или свет. Или жизнь. Или смерть. Что-то. Оно стояло. Смотрело. Долго. Очень долго. Потом исчезло. Как будто его не было. Как будто никогда не было. Как будто сон.

Лира стояла на краю леса.

Она смотрела. Как они уходят. Как они идут. Как они живут. Она хотела крикнуть. Позвать. Сказать. Всё. Но не могла. Горло сжалось. Как камень. Как смерть. Как всё. Она просто стояла. И смотрела. И плакала. Тихо. Без звука. Как всегда.

Она видела. Как Гарт сел. На землю. Как он смотрел. В никуда. Как он говорил. С Браном. Она слышала. Всё. Каждое слово. «Ты тоже её любишь». «Да. Люблю. Я всегда любил». Она слышала. И плакала. Сильнее. Громче. Но без звука. Как всегда.

Она хотела выйти. Из леса. Из тени. Из темноты. Подойти. Обнять. Сказать. «Я здесь. Я не ушла. Я здесь». Но не могла. Что-то держало. Что-то. Невидимое. Как нити. Как смерть. Как всё. Круг. Потеря. Она — потеря. Она должна быть потеряна. Пока круг не кончится. Пока они не пройдут. Пока всё.

Она смотрела. Как они уходят. Как они исчезают. За горизонтом. За серым. За всем. Она стояла. Долго. Очень долго. Потом упала. На колени. На землю. На серое. На всё. И заплакала. Громко. Наконец-то. Как ребёнок. Как зверь. Как всегда.

— Прости, — прошептала она. — Прости. Прости. Прости меня.

Тишина.

Только лес. Мёртвый. Чёрный. Сухой. Как смерть. Как сон. Как всё.

Глава 5: Круг Потери — Бран

Поле было бесконечным.

Они шли. Час. Два. Вечность. Серое. Пустое. Как смерть. Как сон. Как всё. Гарт шёл. Ровно. Спокойно. Как всегда. Бран — за ним. Спотыкался. Каждые десять шагов. Ворчал. Тихо. Но ворчал. Как всегда. Как будто ничего не случилось. Как будто Лира не исчезла. Как будто мир не умер. Как будто всё было. Как раньше. Как всегда.

Но что-то было не так.

Гарт чувствовал. Что-то. Внутри. Что-то, что тянуло. Что-то, что давило. Что-то, что ждало. Он не знал. Что. Но знал. Что-то. Будет. Скоро. Очень скоро. Что-то. Хуже. Чем Лира. Хуже. Чем всё.

Он остановился.

— Здесь, — сказал он.

— Что здесь? — спросил Бран.

— Привал, — сказал Гарт. — Ночь.

Бран посмотрел на небо. Оно было серым. Как всегда. Как везде. Как всё. Ни дня. Ни ночи. Только серое. Только пустое. Только никуда. Но он не спорил. Он никогда не спорил. Он просто сел. На землю. На серое. На всё. Тяжело. Как мешок. Как камень. Как смерть.

Гарт сел рядом.

Они сидели. Молчали. Долго. Очень долго. Потом Бран заговорил.

— Гарт, — сказал он.

— Да?

— Я хочу есть.

Гарт посмотрел на него. Долго. Потом на мешок. На свой. На старый. На всё. Он открыл его. Посмотрел. Внутри — ничего. Только хлеб. Чёрствый. Один кусок. И вода. Немного. На дне фляги. Он достал. Протянул Брану.

— Держи, — сказал он.

Бран взял. Посмотрел. На хлеб. На чёрствый. На один. На всё. Потом на Гарта. На его лицо. На его глаза. На его пустоту. Потом снова на хлеб.

— А ты? — спросил Бран.

— Я не голодный, — сказал Гарт.

— Ты всегда не голодный.

— Да.

Бран смотрел на него. Долго. Потом отломил половину. Протянул обратно.

— Ешь, — сказал он. — Вместе.

Гарт посмотрел на хлеб. На половину. На маленькую. На всё. Потом на Брана. На его лицо. На его глаза. На его страх. Потом снова на хлеб. Он взял. Медленно. Как всегда.

— Спасибо, — сказал он.

Они ели. Молча. Медленно. Как всегда. Хлеб был чёрствым. Сухим. Как смерть. Как сон. Как всё. Но они ели. Вместе. Как раньше. Как всегда.

Потом Бран заговорил снова.

— Гарт, — сказал он.

— Да?

— Ты боишься?

Гарт задумался. Долго. Он смотрел на поле. На серое. На пустое. На всё. Потом на небо. На серое. На пустое. На никуда. Потом на наплечник. На чёрный. На мёртвый. На холодный. На всё.

— Да, — сказал он. — Боюсь.

— Чего?

— Потерять. Тебя. Ещё. Больше. Всё.

Бран смотрел на него. Долго. Очень долго. Потом заплакал. Тихо. Без звука. Как всегда. Он не вытирал. Он просто сидел. И плакал. И смотрел. На Гарта. На всё.

— Я не хочу, — прошептал он. — Я не хочу, чтобы ты терял. Меня. Я не хочу, чтобы ты страдал. Я не хочу, чтобы ты был. Один. Всегда.

Гарт смотрел на него. Долго. Потом положил руку. На его плечо. Тяжело. Тепло. Как всегда.

— Ты не будешь, — сказал Гарт. — Я найду. Тебя. Всегда. Я найду. Всех. Всегда. Я не умею. Терять. Я умею. Находить. Всегда.

Бран смотрел на него. Долго. Потом кивнул. Он не мог говорить. Он просто кивнул.

Они сидели. Вдвоём. На земле. На серое. На пустое. На всё. Молчали. Как всегда. Но молчание было другим. Тёплым. Как огонь. Как дом. Как жизнь. Как будто ничего не случилось. Как будто всё было. Как раньше. Как всегда.

Потом Бран исчез.

Это было мгновенно.

Одно мгновение. Бран сидел. Рядом. Близко. Смотрел. На огонь. Которого не было. На небо. Которого не было. На всё. Которого не было. Потом — пустота. Только серое. Только пустое. Только никуда. Гарт обернулся. Его не было. Брана. Не было. Совсем. Как будто его никогда не было. Как будто он был сном. Который забыли. Который умер. Который стал ничем.

Гарт смотрел.

Долго. Очень долго. Он смотрел на место. Где был Бран. Где был друг. Где была жизнь. Там ничего не было. Только серое. Только пустое. Только никуда. Как всегда. Как везде. Как всё.

Он не двинулся. Не закричал. Не заплакал. Он просто сидел. Смотрел. Долго. Очень долго. Потом заговорил.

— Бран, — сказал он.

Тишина.

— Бран, — повторил он.

Тишина.

— Бран!

Тишина.

Только эхо. Его собственный голос. Который вернулся. Пустым. Мёртвым. Как поле. Как лес. Как всё.

Гарт замолчал.

Он сидел. Один. Совсем один. Впервые. За всю жизнь. Всегда. Он всегда был. С кем-то. С матерью. С отцом. С Браном. С Лирой. С Элирией. С кем-то. Всегда. А теперь — никого. Только он. Только серое. Только пустое. Только никуда.

Он смотрел. В никуда. Долго. Очень долго. Потом что-то. Внутри. Сломалось. Тихо. Без звука. Как ветка. Как кость. Как сердце.

Он заплакал.

Не тихо. Не беззвучно. Громко. Как ребёнок. Как зверь. Как человек. Который впервые. В жизни. Один. По-настоящему. Один. Он плакал. Долго. Очень долго. Слёзы текли. По лицу. По щекам. По всему. Он не вытирал. Он не мог. Руки не слушались. Тело не слушалось. Всё не слушалось. Только слёзы. Только боль. Только пустота.

Он упал.

На колени. На землю. На серое. На всё. Он упал. Лицом вниз. В пустоту. В никуда. В ничто. Он лежал. И плакал. И не мог. Встать. Не мог. Идти. Не мог. Ничего. Не мог. Только плакать. Только страдать. Только быть. Одним. Совсем. Одним.

— Я не могу, — прошептал он. — Я не могу. Один. Я не умею. Один. Я не знаю. Как. Один. Я никогда. Не был. Один. Никогда. Всегда. Кто-то. Был. Всегда. Кто-то. Шёл. Всегда. Кто-то. Ждал. А теперь. Никого. Только я. Только серое. Только пустота. Я не могу. Я не умею. Я не знаю. Как. Жить. Один. Как. Идти. Один. Как. Быть. Один. Я не знаю. Ничего. Я — никто. Я — пустота. Я — ничто. Как она сказала. Как он сказал. Как все. Говорили. Всегда. Я — никто. Я — ничто. Я — пустота. И теперь. Я — один. Совсем. Один. Навсегда.

Он плакал. Долго. Очень долго. Потом замолчал. Слёзы кончились. Боль осталась. Пустота осталась. Всё осталось. Только сил. Не осталось. Ничего. Не осталось.

Он лежал. На земле. На серое. На всё. Не двигался. Не дышал. Почти. Он лежал. И ждал. Как всегда. Но теперь — ждал. Не её. Не Элирию. Не Лиру. Не Брана. Не кого-то. Он ждал. Ничего. Пустоту. Смерть. Конец. Всё.

Тишина.

Только серое. Только пустое. Только никуда. Как всегда. Как везде. Как всё.

Потом — голос.

Голос был тихим.

Женским. Знакомым. Как сон. Как жизнь. Как смерть. Он шёл. Откуда-то. Из ниоткуда. Из серого. Из пустого. Из всего. Гарт услышал. Он всегда слышал. Даже когда не хотел. Даже когда не мог. Даже когда был. Одним. Совсем. Одним. Он услышал. И поднял голову.

— Гарт, — сказал голос.

Он посмотрел. В серое. В пустое. В никуда. Там ничего не было. Но что-то было. Кто-то был. Она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.